

18+

Сергей Орст

О ЖИЗНИ И О ЛЮБВИ

сборник рассказов

Сергей Орст
О жизни и о любви.
Сборник рассказов

<https://litres.ru/73873864>

ISBN 9785006989764

Аннотация

Сборник состоит всего из восьми рассказов. В них неверующий человек спасает заброшенный храм, а детство другого героя омрачено домашним насилием. А ещё пара зарисовок из жизни о берёзовом соке, заменившем людям питьевую воду, и воспоминания повествователя о работе таксистом. Вторая половина рассказов связана с вечной темой, но с разных ракурсов и с открытого также.

Содержание

О жизни и о любви	5
Дорога к храму	5
Конец ознакомительного фрагмента.	42

О жизни и о любви

Сборник рассказов

Сергей Орст

© Сергей Орст, 2026

ISBN 978-5-0069-8976-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О жизни и о любви

сборник рассказов

Дорога к храму

полумистический рассказ

«Зачем нужна дорога, если она не приводит к храму?»
фильм «Покаяние» Тенгиза Абуладзе, 1984 год.

Он лежал на своей кровати поверх покрывала одетый и еле-еле открыл глаза. В занавешенное окно упорно стучалось солнце, давая ему знать, что день уже полным ходом. Плохо ещё соображая, где находится и какое сейчас число, он принялся медленно подниматься на локтях, но тут адская головная боль проступила сквозь жуткое похмелье, приоткрывая мутную завесу, за которой скрывалась реальность. Именно эта реальность безжалостной раздавливающей громадиной заставила его плюхнуться обратно на кровать. Ему вновь стало безразлично, что с ним сейчас и что будет потом,

а из глаз опять безвольно покатались слёзы.

На прикроватной тумбочке зазвучала Сороковая симфония Моцарта. Тихо проиграв пару тройку тактов бессмертного произведения, телефон жалобно квакнул и отключился.

«Что батарейка сдохла? — хрипло выдавил он, повернув голову на звук. — Так тебе и надо, никого слышать не хочу. К чёрту всех! Всё к чёрту!»

Всё-таки с трудом поднявшись, он уселся на кровати и мутным взглядом искал свои тапки. Рядом с тумбочкой валялась на полу пустая бутылка «Столичной». Глаза его не обманывали — там явно был ещё глоток. Он потянулся рукой, наклонился и свалился с кровати, ударившись локтем о батарею отопления, и та глуховато разнесла звук удара по всему стояку многоквартирного дома. Он не ощутил неприятного ощущения в локте от удара, и, усевшись на полу, залпом осушил бутылку. Равнодушно прислонился спиной к холодному радиатору и уставился невидящим взглядом перед собой.

Пошёл уже второй день его безумного запоя. Он вообще пил впервые в жизни. Когда-то в юности, сдуру попробовав в компании алкогольного зелья, ему это очень не понравилось, и он прожил без него вовсе. А тут, не справившись со своим горем, он сорвался. Неделю назад он схоронил свою жену, с которой прожил почти сорок лет. Внезапная скоротечная неизлечимая болезнь любимой отняла у него весь дальнейший смысл жизни. Пять дней у него гостили сыновья, но по-

том разъехались по домам. Он их и не держал, ведь у них своя жизнь. У старшего — семья, где растут двое его внуков. Он души не чаял в младшей внучке, которой было-то всего ещё только пять лет. Второй двадцатипятилетний сын жил один, вовсе не желая создавать семью, тем самым своей жизненной позицией вызывая недоумение отца. Однако, не смотря на такие разногласия, именно младший из сыновей был ближе к отцу и матери, и именно он названивал отцу с вечера прошлого дня, полностью посадив аккумулятор телефона. Сын очень беспокоился за папу, и, не дождавшись его ответа, по окончании суточной смены на работе, уже мчался к нему.

Прошло минут пять, как вдовец неподвижно сидел на полу и смотрел в одну точку. Затем, глаза его шевельнулись, и взгляд мужчины сместился на стену напротив, где висела семейная фотография.

«Господи, почему?!» — выкрикнул зло он и швырнул в фотографию пустой бутылкой.

Прوماхнувшись по фотографии, он услышал только звон посыпавшихся стеклянных осколков. В это время резко затрезвонил домофон. Он даже не повёл ухом, лишь брезгливо сморщился. Трезвон окончился, а спустя минуту послышался звук дверного звонка. Настойчивый. Требовательный.

— Пошли все к чёрту!!! — заорал он, так и сидя на полу возле батареи отопления. — К едрене фене!!!

Звонок прекратил резать внутреннее пространство квар-

тиры. От входной двери пошло глухое ворчание дверных замков, и в прихожей возник мужской голос:

— Отец? Папа? Ты дома?

— Похоже, его нет, — сказал второй мужчина.

— А где он? На телефон не отвечает уже больше суток.

А ты чего, не мог вчера вечером приехать? Знаешь же, что я на смене.

— Слышь, хорош гундеть...

— Тебе всегда на отца было плевать, только о себе и беспокоишься.

— Зато ты в любимчиках у него всю жизнь, тебя никогда не ругали ни за что, а меня за тебя постоянно.

— Пошёл ты, знаешь куда?..

В этот момент, как всегда, припираясь, братья зашли в спальню и обнаружили отца сидящим на полу возле батареи и злобно смотрящего на вошедших.

— Какого дьявола вы оба припёрлись? — прыснул он. — Пошли вон отсюда!

— Папа, — заговорил младший сын, быстро подойдя к нему, — мы с Костей беспокоились, ты не отвечал на звонки.

Он попытался поднять отца, но сразу понял, что у того жуткое похмелье.

— Па, вот нафига ты напился, — задал глупый вопрос младший брат. — Мы тебя первый раз таким видим.

— Я сказал, пошли все вон!!! Никого не хочу видеть!!!

— Костян, давай, помогай!..

Через час они все втроём сидели на кухне и разговаривали. Братья старались не ссориться, ведь весь минувший час они справлялись с истерикой отца. Запихнули насильно его в холодный душ, несмотря на бурное возмущение родителя и отборный мат. Напоили шипучим аспирином. По очереди прибрались в квартире, особенно тщательно убрали осколки стекла в спальне, проветрили. Теперь отец сидел тихий, успокоившись, попивал чай, а его сыновья опять начали препираться между собой.

— Короче, папа, Лёха, — сказал старший брат, — мне пора на работу, я отпросился на пару часов, а уже и так опоздал.

— У тебя с отцом проблема, а ты с работой своей дурацкой, — окрысился на него Лёха.

— Это у тебя фигня, а не работа, — грубо ответил старший брат, — хочешь — работаешь, хочешь — нет. Кого кормить тебе? Только себя любимого! А у меня семья и дети.

— Ну, и вали́ отсюда, а то небось уволят тебя бедненького ещё, так я и виноват буду, что срочно вызвал тебя отцу помочь...

— Молчать!!! — рявкнул отец и врезал кулаком по столешнице так, что полупустая чашка с чаем подпрыгнула и кувырнулась на бок, разлив тёплое питьё по столу. — Вы сюда, зачем пришли?! Так мне помочь?! Если намерены ссориться, как обычно, то валите вон отсюда оба!

— Бать, прости, но мне действительно бежать надо, ну ты пойми.

— Катись отсюда, — чуть спокойнее сказал отец, — спасибо, что пришёл. Катьке своей и Машульке с Мишуткой привет передавай.

— Хорошо, батя, — ответил старший сын и, попрощавшись, ушёл.

Лёха даже не сказал ему ничего на прощание и не проводил.

— Па, ну зачем ты так? — тихо спросил младший сын. — Так же нельзя. Прости, я не должен был тебя оставлять одного, но ты уверил нас, что ты в порядке.

Три следующих своих выходных дня Лёха возился с отцом. Ходил в магазин, заставлял гулять по парку, благо лето только началось.

— Па, а как твоя работа? — спросил сын утром перед уходом на смену.

— А, я за свой счёт взял месяц.

— Ну, так, может, зря? Пока занят и отвлечёшься. Ну, чего в четырёх стенах сидеть? Нельзя так, батя.

— Слушай, ты со мной, как с маленьким разговариваешь? Ты куда-то спешил? Ну, так и иди, чего мне голову моришь...

— Па, ты хоть трубку то бери, когда звонить буду, я же беспокоюсь.

— Ладно, договорились.

— И ещё, давай без этого, — Лёха щелкнул себе пальцем по челюстью, — хорошо?

— Катись отсюда, чай я не маленький.

Однако, через сутки, когда сын вернулся со смены, то застал отца в стельку пьяным, лежащим посреди кухни. Сначала у сына всё оборвалось внутри, ведь он подумал, что с отцом уже совсем всё плохо. Накануне он вечером звонил папе, и тот собирался идти спать, будучи абсолютно трезвым. Не мог знать Лёха, что отец выйдет на улицу и купит алкоголя, успев до одиннадцати часов. Снова сын, только теперь в одиночку занимался приведением отца в чувства.

— Папа, — сын журил отца, — ну ты же обещал! Какого лешего ты опять? Откуда бутылка у тебя?

— Чего ты до меня докопался? — начал возмущаться отец. — Какого хрена ты меня тут учишь? Плохо мне, понимаешь? Плохо!!! Я жену потерял! Понимаешь? А, куда тебе, ты же не женат, не знаешь, что такое близкого человека терять! Сопляк!

Сын даже рот открыл от такого. Он вскочил и, не стесняясь в выражениях, впервые в жизни стал орать на отца:

— Это я... не знаю?! Ты совсем ...нулся?! Я маму похоронил!!! Ты что, вообще ни х... не соображаешь?! Ты потерял жену, а я маму!!! Ты ё...й эгоист!!! Вот ты кто! А я ещё вожусь с тобой, помочь хочу! Может, мне тоже взять пузырь и залить зеньки, чтобы ничего не чувствовать?! А чё, сейчас так и сделаю, нажрюсь и пошлю всех на х...! И тебя тоже!

Он сел обратно на кухонную табуретку, зло поглядывая на отца.

— Я всю жизнь гордился тобой, что ты у меня не пьёшь, — продолжал Лёха, но более спокойно, — пацаны в школе рассказывали всякие, как мне казалось, ужасы про своих пьющих отцов, а я радовался и гордился, что ты у меня не такой.

— Лёшка, — взял его за руку отец, — прости меня, чего-то я разошёлся, ты прав, тебе же тоже сейчас плохо. Пойдём на улицу.

Однако через четыре дня после суточной смены сына всё повторилось вновь. Потом ещё и ещё. Лёха забеспокоился, не обосновательно понимая, что отец просто сопьётся, причём очень быстро. С братом он опять поругался на почве помощи отцу.

— Лёша, — посоветовал ему коллега по работе, — у тебя скоро отпуск корячится.

— Ну, — безразлично ответил Лёха, — и к чему это, дядя Слава?

Дядя Слава, будучи почти ровесником отца, был для Лёхи неким наставником.

— А вот к чему, Лёша, бери-ка ты батю в охапку и дуй в деревню к бабке Агафье.

— В какую деревню? К какой бабке?

— Короче, слушай...

Наставник убедил Лёху взять за свой счёт пару недель до отпуска и отвезти отца в далёкую деревню к некой бабке, которая выводит из запоев лучше всех этих новомодных ме-

диков. В тот же день оформив все формальности на работе, взяв адрес бабки, Лёха лишь уточнил у дяди Славы:

— А с этой бабой Агафьей связаться-то можно как-нибудь?

— Не-а, она из староверов, а они не признают никаких технических средств.

— Она хоть жива? А то приедем, а она это, таво...

— Ну, это уж, как карта ляжет. Всякое может быть. Ну, тогда просто прошвырнёшься с отцом — не повредит.

— А чего, эта бабка такая прямо... и помогает?

— Конечно! Ты пришёл к нам недавно, а лет десять назад я так керосинил, что не дай бог, так только Агафья меня-то и спасла. Так-то, Лёша. Давай, вези батю туда.

Отец долго отпирался ехать к бабке Агафье, но Лёха настоял, применив запрещённый приём. Он купил пару пузырей, притащил домой к отцу и разлил по стаканам пойло.

— Всё, отец, — твёрдо сказал Лёха, взявшись за полный стакан, — мне надоело с тобой воевать. Будем теперь пить вместе. Мне тоже плохо, поэтому сейчас нажрусь в стельку, а завтра ещё, и послезавтра снова. И ты мне будешь не указ. Сопьюсь к чертям собачьим, и плевать на всё. Быстрее с мамой встречусь.

Он поднёс стакан к губам, но отец вдруг выбил стакан из его рук, разлив все содержимое по столу.

— Ты совсем обалдел?!...

Они ехали на машине отца уже второй день. Переночевали прямо в автомобиле возле поста ДПС на трассе. В эту ночь отцу в который раз приснился очень странный сон. Эта повторяющаяся нелепость начала видаться ему с тех пор, как он овдовел, но он просыпался раньше, чем получалось увидеть дальнейшее. Во сне перед ним высокий холм, по которому он не поднимается на вершину, а словно скатывается под гору, но вверх. Что на вершине холма до того было не понятно. А в этот раз в туманной и тягучей, словно студень, пелене он увидел наверху, куда буквально скатился, кирпичную осыпающуюся стену. Подняв голову, вдовцу привиделся покосившейся крест на полупровалившемся чёрном куполе...

Он проснулся посреди ночи в машине. Сын спал рядом. В звёздном небе Луна. Заснув снова, ему опять приснился этот странный сон. И так до самого утра. Просто наваждение и мучение.

«Муть какая-то, — подумал он, — храм странный какой-то. А почему одно и то же? Да ещё так ярко и явственно, будто на самом деле я там?»

Весь следующий день отец был немногословен. Разрушенный храм из сна не выходил из головы. Он не обмолвился сыну о своём странном сновидении.

К вечеру они добрались в деревеньку, обозначенную дядей Славой.

— Касатики, — услышали отец и сын сзади старческий голос, после того, как несколько минут тщетно пытались постучаться до хозяйки дома, стоя у калитки, — если вы к Агафье Петровне, то померла она, упокой Господь её душу.

Они оба обернулись. На дороге перед домом стояла старушка и трижды крестилась.

— То ещё в начале весны было, — продолжала старушка, — так что, касатики, придётся вам с Божьей помощью со своим недугом справляться, без Петровны.

— ???

— Я стара, но не слепа, — улыбнулась беззубым ртом пожилая женщина, — вас таких сразу примечаю, к Петровне столько переходило вашего брата. Но опоздали вы, милочки.

Лёха сразу погрузстнел, ведь рассчитывал на совет дяди Славы. А теперь? Старушка заметила смятение в глазах парня и поняла, что помощь нужна не ему, а старшему. Отец в это время стоял ближе к изгороди Агафьиного дома и отрешённо смотрел куда-то вдаль. Все его мысли исподволь были заполнены ночными ведениями. Он никогда не был ни верующим, ни набожным человеком. Скорее, наоборот, он относился к вере скептически. Особенно его не устраивало отношение священнослужителей и самой Церкви к женщине. Женщины не допускаются к службе священниками, их не пускают в алтарную часть храмов. Подобные дискриминаци-

онные, как считал отец порядки, вызывали у него недоумение, ведь сама Церковь истово почитает Богоматерь. Подобное противоречие для него, человека несведущего в религиозных делах и устоях, выражалось в тихом неприятии веры, хотя он и допускал наличие некоего высшего разума. Чем-то он был даже сочувствующий, но не более того. Его советское воспитание и образование в материалистической идеологии не позволяло ему верить в потустороннее, в мистику и прочую необъяснимую чепуху, которой он всячески сторонился в своей жизни.

— Кто он тебе, милоч? — приблизившись к Лёхе спросила тихо старушка, заметив некую отрешённость старшего из мужчин, пришедших к Агафье.

— Мой отец, — почти в ухо ей ответил он.

— Ему нужна была Петровна?

— Угу.

— А чего запил? На выпивоху-то со стажем не похож. Умер кто-то?

— Да, — грустно ответил Лёха, — моя мама, а ему жена.

— Прости, милоч, — снова трижды перекрестилась старушка, — упокой Господь душу матери твоей. Я тебе вот, что скажу, ты отвези отца к батюшке в соседнем селе, он иногда помогает таким. Отец-то твой крещёный?

— Да, я и не знаю, — замялся Лёха, — а это важно.

— Да, как сказать... у тебя и отца ночевать-то есть где? А то сейчас ехать в соседнее село к батюшке поздно уже.

— Да, не беспокойтесь, мы в машине заночуем.

— Ещё чего придумали! У меня заночуете. Вон мой дом, а рядом избышка для гостей, муж покойный срубил. Заодно по хозяйству поможете, потому что денег за ночлег я ни с тебя, милоч, ни с отца твоего не возьму. Как зовут-то вас? Меня Валентина Михална. Можно просто, баба Валя.

— Меня Лёха, а отца Николай.

Этой ночью Николаю снова приснился храм, но теперь в том сне он продвинулся вдоль высокой кирпичной стены до зияющего входа, куда он отчаянно не хотел входить, но его туда просто затягивало, наращивая в нём жуткий страх. Он был втянут внутрь храма, хоть хватался руками за вязкий и густой воздух. Внутри храма была темень, а прямо напротив входа стояла его покойная жена.

«Колюня, — привычно обратилась она к нему своим обычным спокойным голосом, — ты просто должен... должен...»

— Отец! Папа! Проснись!

Он очнулся. В тусклом свете от окна избы бабы Вали, Николай увидел сына, который тряс его за плечи, выводя и ночного кошмара.

— Лёшка, ты что? — спросил он спросонья, чувствуя собственное сильное сердцебиение.

— Ты кричал во сне, па. Нормально всё?

— Да-да, нормально...

Опять он долго не мог заснуть, боясь повторения сна. За

окном занялась заря. Над ухом летал надоедливый комар, и Николай долго следил на слух за его писком то там, то сям. Сын похрапывал в другом углу комнаты. Отец встал и тихо вышел на улицу. Утренняя предрассветная прохлада и туман взбудрили его, окончательно выгнав из него сон. Старый хозяйский пёс не услышал движения во дворе, и Николай тихонько вышел за калитку, посмотрел на свой запотевший автомобиль, стоявший на дороге напротив дома бабы Вали, и двинулся вниз по безлюдной улице в сторону реки. Деревенька ещё спала в предрассветных сумерках, дремали даже петухи. Постепенно Николай вышел на высокий берег реки. Впереди простирался простор противоположного низкого берега. Там занималась заря, светлея оранжевым и съедая ночную синеву уже у него над головой. На этом берегу среди лесов и дорожек потерялись домишки, окутанные быстро рассеивающимся утренним туманом...

Он стоял долго, любуясь всей этой тихой красотой. За спиной запели петухи. Послышался лай первого проснувшегося пса. Порозовевший горизонт сильнее осветил видимую взору округу. Немного замёрзнув в предрассветном тумане, Николай пошёл левее вдоль высокого берега по лугу, пытаясь найти тропинку, ведущую к реке.

Пройдя прилично по обнаруженной тропинке, он заметил на склоне возле небольшой липы человека, стоящего спиной. Подойдя ближе, Николай признал в человеке девушку, которая стояла перед мольбертом и глядела на живо-

писный вид реки. Одетая в тёплую длинную куртку и вязаную шапочку, художница держала в руке кисть, внимательно вглядываясь вдаль.

Вдруг оглушительно и абсолютно неожиданно в этой утренней тишине залаял пёс. Лай доносился со стороны художницы, но собаки видно ещё не было из-за густой травы. Николай остановился, приготовившись к нападению собаки, но почему-то не испугавшись.

— Лорд, фу! — обернувшись, крикнула на пса девушка, заметив стоящего на тропинке мужчину. — Ко мне!

Из травы к мольберту подбежал фокс-терьер, художница присела на корточки и взяла собаку за ошейник.

— Не беспокойтесь, — громко сказала она, — он не укусит.

— Извините, я, пожалуй, обойду стороной, — Николай вознамерился повернуть и пойти в другую сторону, чтобы не мешать и не нарываться на собаку.

— Не стоит, Лорд не тронет, — сказала она, а потом строго обратилась к своему питомцу, — Лорд, нельзя! Рядом! Сидеть!

Девушка отпустила собаку и встала. Фокс-терьер обошёл хозяйку сзади и уселся возле её левой ноги.

— Он у вас такой послушный, — удивился Николай, — но я вас отвлекаю, простите, сейчас я уйду.

— Вы к бабе Агафье приехали?

— Почему вы так решили?

— Я раньше тут вас не видела, а вчера приехали двое мужчин на машине с номерами не нашего региона и заночевали у бабы Вали.

— Надо же, не скроешься ни от кого в деревне, — улыбнулся Николай, и внезапно в нём проснулось любопытство, ведь за всю жизнь он не встречал ни одного художника и, тем более, не видел, как они рисуют свои картины, он спросил, — а можно подойти посмотреть?

— Конечно, подходите, только не делайте резких движений, Лорд натренирован на защиту, — пригласила девушка и добавила, обращаясь к собаке, — Лорд! Свои!

— Лорд, — сказал Николай, медленно подходя и пытаясь смотреть собаке в глаза, — хорошая собака, я просто подойду. Можно?

— Лорд! Свои! — повторила она, а потом посмотрела на мужчину. — Он вас просто понюхает и всё в порядке.

Художница по имени Оля оказалась очень общительной, показала и рассказала Николаю, что пишет в настоящий момент. Мужчине, неискущённому в искусстве, понравился этот, хоть и не завершённый пейзаж, запечатлевший величественный лёгкий поворот реки на рассвете. Уже собравшись уходить, чтобы не мешать творчеству художника, Николай начал было прощаться. В лучах уже взошедшего солнца он заметил далеко по верх леса на том берегу какой-то блеск. Что-то тускло отражало первые лучи светила.

— Ольга, — обратился Николай к девушке, продолжив-

шей делать мазки кистью по холсту, — вы не знаете, что там сверкает?

— Где? — художница оторвалась от своего творения и повернула взор в сторону указанную рукой мужчины.

— А, вон там, видите?

— Нет, не знаю, — несколько обескураженно ответила она, — хоть я и бываю тут каждое лето с детства, но этого блеска не замечала. Погодите, у меня есть бинокль.

С этими словами, она отложила кисть, и достала из лежащей рядом на траве сумки морской бинокль. Сама в него посмотрела и облегчённо сказала:

— А, это заброшенный храм на том берегу. Видимо, что-то там отвалилось, обнажив нечто отражающее лучи.

— Какой храм? — что-то смутное и неясное подкралось к Николаю, заставив его заинтересоваться. — Вы позволите?

— Да, пожалуйста, — Ольга протянула бинокль.

Николай увидел в оптику далёкие неясные очертания купола церкви. Она была достаточно далеко, чтобы рассмотреть в рассеивающемся тумане подробности. У самого края остроконечных вершин деревьев на куполе что-то сверкало. То ли какое-то стёклышко, то ли ещё что-то отражающее солнце. Именно внешний вид купола церкви с почти свалившимся почерневшим православным крестом заставил сердце Николая странно сжаться и забиться быстрее. Он такое уже видел... в своём том сне!

— Что с вами, Николай? — спросила девушка, заметив

внезапную бледность мужчины.

— Нет, ничего, — быстро попытался он скрыть небольшой будто испуг, — а что это за храм, вы знаете?

— Да, — ответила Ольга, — это заброшенный храм, он стоит таким с довоенных времён, когда-то в тридцатые годы прошлого века там прямо в храме энкэвэдэшники расстреляли настоятеля и всех его помощников. Так с тех пор храм и стоит в запустении. Люди рассказывали, что тогда пытались взорвать здание, но техника с взрывчаткой завязла во внезапно образовавшихся вокруг болотах, да так, что еле вытащили. Вроде бы рабочие погибли при этом. Вот с тех пор и стоит, а подойти к храму никак — болота.

— Значит, — уточнил Николай, — к храму нет дороги? А вообще подойти-то возможно?

— Николай, я об этом храме с детства слышу всякие страшилки, — вновь взявшись за кисть, сказала художница, — конечно, многое вздор, но местные туда вообще не ходят и мало говорят об этом. Вроде бы после падения СССР появились планы восстановления храма на волне возвращения к вере. Но и там постигла неудача. Ещё до поставки материалов туда, сухие строительные смеси мгновенно сырели, поставщики почему-то разорвались, а финансирование таяло неизвестно куда. Поэтому об этом месте решили просто забыть. Если вы спросите о нём, то вам каждый скажет, что храм проклят и станет отговаривать к нему идти, утверждая, что никто не возвращался от него.

— Глупости всё это, — уже бодро сказал мужчина.

— Может быть, я передала вам то, что сама знаю.

Внезапно Лорд пронзительно залаял, вскочив на лапы и поставив хвост торчком. Сверху показалась фигура мужчины, идущего по тропинке.

— Лорд, фу! Сидеть! — приказала девушка, осаживая пса и понимая, что это знакомый Николая по действиям своего неожиданного собеседника.

— Па, ну ты совсем с ума сошёл, — донесся взволнованный голос сына, — ну, предупредил бы, что гулять пойдёшь!

— Лёша, — крикнул ему в ответ отец, — я, что тебе маленький? А позвонить ты не пробовал?

— Так ты мобилу оставил, — Алексей вытянул вверх руку, демонстрируя смартфон, и подошёл ближе.

— А здороваться я тебя учил, балбес? — улыбнулся отец, незаметно для девушки кивая сыну в её сторону одними глазами.

— Ой, простите, — как-то нелепо замялся парень, — я Лёха, доброе утро.

— Доброе утро, — ответила художница, — я Ольга.

— Кто тебя учил так представляться, дурень? — отец немного нарочито поучал сына. — Какой Лёха? Алексей, что за фамильярности. Ты же видишь, перед тобой человек искусства, живописец, а ты со своим «Лёха».

Алексей неожиданно для отца и, похоже, для себя самого, смутился как юнец, а Ольга улыбнулась всей этой сцене.

— А это у нас, значит, Лорд, — парень присел на корточки и, решив отвлечься от симпатичной художницы, переключил внимание на фокс-терьера.

Лорд стоял возле ног хозяйки и очень сурово глядел на незваных гостей. Хвост пса торчал вверх, не шелохнувшись. Алексей тихо и вкрадчиво повторял:

— Лорд хороший пёс. Умничка. Хороший Лорд...

— Осторожно, — чуть беспокойно произнесла девушка, — он и укусить может.

— Не беспокойтесь, — сказал тем же вкрадчивым тоном Лёха, не отрываясь взглядом от глаз пса, — собаки меня любят.

Возникла пауза, в которой и Николай, и Ольга просто наблюдали за поведением парня и собаки. Буквально через пару минут увещевания Лорда, Лёха поманил к себе пса:

— Ну, иди сюда, давай знакомиться.

Лорд пару раз дёрнул хвостом из стороны в сторону и медленно двинулся к Лёхе. Ольга удивлённо посмотрела на своего пса, но молодой человек одними глазами попросил её не мешать. Фокс-терьер приблизился к вытянутым обеим рукам человека, видимо, не чувствуя от него агрессии и опасности для своей хозяйки, обнюхал неподвижно замершего, продолжающего ласковый разговор Лёху. Вдруг собачий хвост заходил из стороны в стороны, а парень тихонько погладил пса по спине. Тот подставил спинку, позволяя ещё себя гладить. Всё, контакт установлен.

— Ну, какой же ты хороший! — Лёха приблизился лицом к Лорду, и пёс его лизнул.

— Слушайте, — сказала поражённая художница, — я первый раз такое вижу. Он же дрессированный, а тут... Как?

— Не знаю, — ответил Лёха, продолжая тискать и гладить довольного Лорда, — я чувствую собак и сразу вижу доброе существо. Конечно, к цепному псу я не подойду. Ну, а ваш Лорд просто прелесть, хотя фоксика бывают злобные. Он же молодой?

— Да, почти два года...

Николай чуть улыбаясь и изредка посматривая на сына, девушку и пса, глядел на тот берег, где продолжала тускло блестеть отражением взошедшего солнца заброшенная церковь. Он знал, что сын с детства любит собак, а те на удивление отвечали ему тем же, хотя дома собак никогда не держали. Почему-то Николаю непреодолимо захотелось посмотреть на ту церковь вблизи, и уже совершенно не интересовала та цель, ради которой они сюда с сыном приехали. Что-то тянуло овдовевшего мужчину туда, на ту сторону реки, в те болота, о которых говорила молодая художница Ольга. Глядя на то, как его Лёшка непринуждённо треплется с девушкой, поглаживая Лорда, Николай решил съездить туда, благо его машина худо-бедно позволяла ездить по бездорожью, если потребуется.

— Лёш, — негромко попросил он, — отдай мне мой телефон, и я пойду в дом. Сам-то пойдёшь?

— А..., пап, — одной рукой возвращая отцовский телефон, а другой продолжая гладить пса, ответил Лёха, — ты иди, я скоро.

— Ну, скоро, так скоро, — сказал отец и, обратившись к девушке, попрощался, — до свидания, Оля, было приятно с вами познакомиться.

— До свидания, — ответила она, — взаимно.

Николай всё заметил, что художница поняла, почему он спешил уйти — отец не захотел мешать сыну, ведь невооружённым взглядом было ясно, что Ольга понравилась Алексею, а он, в свою очередь, поразил девушку обращением к её собаке.

«Пусть Лёшка пообщается с девчонкой, — думал, уходя по тропинке Николай, — парню уже четвертак, а ни одной постоянной знакомой у него так и нет».

Добравшись до дома Валентины Михайловны, он увидел хозяйку во дворе, поздоровался, ответил, что сын его нашёл, но остался на речке и, отказавшись от завтрака, поинтересовался лишь, где ближайший магазин, в котором можно купить хозтовары.

— Милок, а что именно ты купить-то хочешь? Может, у меня что есть, ты скажи, — участливо спросила баба Валя.

— Да сапоги хочу купить высокие, — ответил он, — или болотные.

— О, как. А зачем тебе? Неужто рыбалить собрался?

— Ага, — быстро понял, для чего могут быть ещё нужны

сапоги, сказал Николай.

— Так у меня болотники есть, от мужа покойного остались. Ты-то чуток поменьше его будешь, так тебе в пору придутся. У меня и снасти есть, удочки там всякие. Бери-бери, мне-то они ни к чему.

— Спасибо, я всё верну потом.

В сарае, куда привела его хозяйка, Николай нашёл и болотные штаны, а ещё заметил снегоступы высоко под потолком у стропилы. Испросив разрешения и их взять на время, получил их вообще в дар.

— Ну, куда я пойду в них? — баба Валя говорила со смехом. — Это Васька мой охотился зимой, а я что? Не стану же старая по лесам бегать. Забирай, хорошие снегоступы-то, Васька хвалил их.

— Спасибо вам.

Выпросив ещё моток прочной верёвки, Николай сказал, что постарается к вечеру вернуться.

— А сыну твоему так и передать, когда придёт?

— Да, только я не знаю, когда он придёт, — улыбнулся Николай, — он там, на берегу с художницей языками зацепился, так что...

— А с Оленькой? Она хорошая девочка, внучка Степаны, только у неё такой злющий пёс, как же твой сын смог подойти?

— А моего пацана собаки с детства любят, вот он уже и сдружился с тем Лордом.

— О, как! Значит хороший у тебя сын. Ладно, езжай, куда надумал, а Лёшку твоего накормлю, когда придёт.

Николай сел в свою машину и поехал по дороге из деревни. Выехав из села, он остановился и на телефоне открыл карту места. Не сразу, но отыскал на спутниковом снимке подобие развалин в интересующем его месте и ткнул в функцию навигации. Синтетическая тётка, живущая в навигаторе, равнодушно сообщила, что ехать около получаса, а зелёная дорожка на карте эдаким окольным путём высветила путь, но не до церкви, а лишь до ближайшей дороги.

Дальше ехать было невозможно. Николай уже, как добрых полчаса пробирался по заброшенной просёлочной дороге, отключив надоедливую тётку в навигаторе, твердившую, что дорога отсутствует. Он ехал аккуратно через кусты, росшие прямо меж старой колеи, боясь посадить свой внедорожник на какую-нибудь корягу или проколоть колесо. Отслеживая метку на карте со своим местоположением, Николай приметил место, где сможет развернуть свой автомобиль. Решив дальше не заезжать, он остановился и вышел из машины. Свежий воздух и пьянящий аромат леса произвёл на мужчину вдохновляющее действие. Сквозь стволы деревьев проглядывал простор близких болот, а запах тины подтвердил ему, что Ольга была права об этих местах. Но ни препятствие в виде болота, ни опасность, таящая в себе топь, не остановили его. Его тянуло туда, и тянуло непреодолимо.

Забрав из машины верёвку, снегоступы, переодев сапоги,

срубив пару сухих длинных стволов тонких сосенок, Николай двинулся на метку в навигаторе своего телефона, указывающую на храм. Весьма быстро он дошёл до края леса, оказавшись на болоте. Низенькие многочисленные деревца росли дальше меж кочек, поросших обильной травой. Впереди проглядывал возвышающийся островок с белоствольными берёзами, липами или ясенями, рассмотреть которые Николаю не удалось. Переходя с кочки на кочку, прощупывая топкие места палками, аккуратно он продвигался к цели. Вот начала проглядывать старая кирпичная кладка заброшенной церкви сквозь густую листву. До цели оставалось буквально чуть-чуть, но впереди распростёрлась трясина и вправо, и влево.

«Вот и пригодятся снегоступы с верёвкой, — подумал Николай, снимая из-за спины бабкин презент и моток верёвки, — только я болван городской не предусмотрел тут полчищ комаров...»

Комары действительно одолевали, мешая сосредоточиться перед переходом топи. Убедившись в достаточной крепости деревца, он привязал к ней верёвку альпинистским саморазвязывающимся узлом, надел снегоступы и смело двинулся ближе к еле заметным кочкам. На его удивление, он весьма просто перешёл топкое место, вот только правый сапог чуток протекал. Закрепив оба конца верёвки к кустику и сбросив мокрые снегоступы, он принялся подниматься на холм. Тут, у подножья Николай обнаружил старую полуис-

тлевшую колючую проволоку, опоясывающую, видимо, весь холм. Переступив через никчёмную преграду, мужчина принялся подниматься на холм к заброшенному храму.

Поросшие мхом камни и растрескавшаяся местами кирпичная кладка указывали на очень долгое отсутствие тут людей. Сверху стен росли мелкие деревья и кустики, зияющие глазницы окон смотрели на мир мертвенной пустотой. Несомненно, именно эта церковь снилась ему, и внутри этой церкви ему что-то говорила покойная жена. Николай обошёл храм вокруг, подойдя к чернеющему входу, чувствуя, что он тут уже был.

«Странное место, — сам себе бубнил под нос он, — она говорила, что я должен..., что же должен?»

Вокруг стояла звенящая тишина. Николай не сразу сообщил, что над ним не вьются больше надоедливые комары, не поют птицы. Не без опаски он вошёл через пустой дверной проём внутрь. Его поразило внутренне убранство храма, а точнее сохранность фресок и элементов архитектуры. Через частично разрушенный купол проникал тусклый солнечный свет, отбрасывая лучи на частично сохранившийся иконостас. Внутри было спокойно, даже не страшно, хотя разум кричал мужчине бежать из этого места сломя голову и не возвращаться больше никогда. Что-то неведомое овладело им.

Николай вынул свой телефон, чтобы сфотографировать, но телефон не реагировал на его команды, будто завис. Ни

какие кнопки не работали, а экран не загорался. Посмотрев на свои часы, мужчина обнаружил, что и секундная стрелка его кварцевых часов замерла на месте.

«Чертовщина какая-то, — прошептал он, внезапно вспомнив персонаж Хому из мистической повести Гоголя „Вий“, усмехнувшись, — вот только мелка, чтобы круг нарисовать, у меня нету».

Побродив по храму долгое время, ему вдруг стало отчётливо ясно, что он должен сделать, чего ещё не сделал, о чём его просила покойная жена в тех снах. Эта мысль оказалась настолько безумной, что он не поверил сам себе. Он должен спасти этот храм! Но как?

Николай вышел на улицу, повернулся к входу в храм и впервые в жизни почувствовал потребность перекреститься. Он даже сначала не понял, куда же сначала касаться пальцами правого плеча или левого, но потом отчётливо вспомнил, как это делала недавно баба Валя.

«Я постараюсь», — шепнул он, обращаясь к храму, и прикоснулся рукой к шершавому кирпичу стены.

А вот что он должен постараться, пока не осознавал вообще.

«К храму должна вести дорога, — размышлял Николай, — за неполных сто лет она не должна была полностью пропасть. Интересно, с какой стороны она была».

С этой мыслью он обошёл весь холм и, похоже, нашёл её. Заросшая кустами и деревьями старая дорога спускалась к

болоту и уходила прямо в трясины.

«Да, девчонка была права, — прошептал он, — дороги к храму больше нет. Тут вообще не пройти». Возвращаясь к своей машине тем путём, которым сюда пришёл, он заметил и комаров, и телефон его с часами заработали. Он сделал несколько снимков храма издалека. Сев за руль, он с удивлением обнаружил, что время на наручных часах и на его приёмнике в машине совпадают. Как такое могло быть, ведь он провёл внутри храма по ощущениям не меньше получаса, а время словно остановилось там.

Тут затрезвонил телефон, и на экране высветилось «Лёшка».

— Да, Лёха, — ответил он сыну.

— Батя! Ты куда исчез? — взволнованно закидывал вопросами парень. — Почему телефон был вне зоны? Ты где? Ты в порядке? Где машина?

— погоди, погоди, сын, не так быстро, я просто проветрился. Скоро приеду, не переживай.

Николай дал отбой и вернулся к дому бабы Вали, где его ожидал Лёшка, который сразу накинулся на отца с упрёками.

— Послушай, парень, — весьма резко осадил сына Николай, — ты чего разошёлся? Я тебе что? Думаешь, я совсем таво?

— Па, но ведь я беспокоюсь, — оправдывался Лёха, — к тому же Оленька сказала, что ты интересовался заброшенным храмом. Ты что, туда ездил?

— Уже Оленька? — хитро улыбнувшись вопросом на вопрос, ответил отец.

— Ну..., я... это..., — замялся Лёха, внезапно покраснев, но тут же в тщетной попытке сохранить лицо и скрыть от отца истинное отношение к молодой художнице напустил на себя безразличие — и ничего особенного...

— Да, ладно, что я не вижу? Понравилась тебе девочка.

— Бать, да ну-у...

— А то я тебя плохо знаю, — тихо проговорил Николай, — я всего второй раз вижу, как ты вот так краснеешь. Помнишь, тот первый раз?

— Когда? Ничего я не краснею...

— Ну, один в один, как тогда в Сочи на пляже, когда я тебя четырнадцатилетнего пацана застукал возле переодевалки, где ты подглядывал за той Маринкой. Вспомнил? Как тебе нравилась эта дочка нашей квартирной хозяйки.

— Папа, — ещё гуще покраснев, промямлил сын, — я же не мальчик...

— А ведёшь себя, как мальчишка. Короче, вечером пригласи её...

— Куда?

— А говоришь, не мальчик, — вновь усмехнулся отец, — возмёшь машину, покатаешь девчонку, может, съездишь в район, сводишь её в кино. Мне что, учить тебя? Не маленький ведь!

— Так я уже.

— Что уже?

— Уже пригласил, только вот хотел...

— Да, забирай, конечно, — догадался отец, — что я не понимаю? Вот сейчас и бери ключи. Кобелём только не будь! Похоже, она правильная, хорошая девочка.

— Спасибо, папа! Тогда я сразу возьму, съезжу...

Лёшка радостный, как пацан прыгнул в машину и усвистал даже не узнав, куда ездил отец.

«Ну, может, хоть с Олей у него сложится? — подумал Николай. — Давненько я его таким не видел счастливым».

Он воспользовался предложением Валентины Михайловны и хорошо позавтракал, хотя было уже время обеда. Затем, до самого вечера помогал хозяйке по дому. Напил и наколот дров, подлатал сарайчик, поправил всякие мелочи в доме. Пожилая женщина не нарадовалась на мужчину. Николай позвонил старшему сыну, поболтал с любимой внучкой, обещая привезти из деревни что-нибудь интересное. Лишь к ночи приехал сын явно довольный. Отец не стал расспрашивать его, в конце концов, парень взрослый и сам творец своей судьбы. Прежние девушки сына не вызывали у Лёхи такого вдохновенного вида.

Ночью ему снова приснилась жена, но теперь он гулял с ней по лесу, а, выйдя на поле, увидел обветшалый храм, но совсем другой, нежели тот, что посетил днём.

«Колюня, — сказала ему во сне жена, — ты должен заглянуть в глаза Дьяволу, который поселился в храме и спа-

сти сам храм. Тогда, когда энкэвэдэшники осквернили убийством церковь, они позволили Дьяволу овладеть святым местом. Но только ты, мой муж способен вырвать храм из его лап».

«Но, как, милая?»

«Ты поймёшь сам, когда придёт время», — ответила жена и исчезла вместе с храмом, оставив его одного в чистом поле.

Николай проснулся, но на этот раз не чувствовал страха или смятения. В нём словно проявилась цель, вот только, как её достичь, он не знал.

Сон не шёл, и вдовец включил свой телефон, отыскав контакты местной епархии. Отправил туда письмо, потом составил обращение в Министерство культуры и местные органы власти. Выяснил ещё, где ближайший хозяйственный магазин. Он намеревался купить досок, чтобы сделать наплавной настил через топь.

— Бать, мне Оленька сказала, что ты интересовался тем проклятым храмом, — через пару дней решил спросить Лёха отца ближе к вечеру, который постоянно пропадал куда-то, явно выдумывая нелепые отговорки, про праздные прогулки по окрестностям, — ведь ты тем утром туда ездил. Так? И сегодня тоже? Нафига тебе это надо?

— Лёшка, — замылся Николай, избегая глядеть сыну в

глаза, — мне сложно это объяснить. Боюсь, ты меня не так поймёшь, дело в том..., что меня попросила моя Маша...

— Мама?! Когда?

— Недавно, уже после... И храм именно этот мне снится давно, а увидел его только теперь. Машуня так и сказала во сне, что я должен его спасти, ну, храм.

— А-а, — протянул Лёшка тоном, которым обычно отвечают сумасшедшим, чтобы не провоцировать их на дальнейшее безумие, — понятно...

— Нихрена тебе не понятно! — резко выпалил отец. — Я не сбрендил, если ты так подумал. Похоже, там за той чертой что-то есть, и Маша меня об этом просит. Поэтому я поехал и ещё поеду, а ты мне не указ!

— Да, понял я, не горячись, батя, — Лёха понизил тон и приблизился к отцу, — мне тоже что-то такое неясное снилось о маме. Давай завтра вместе съездим туда. Там есть что-то необычное?

— Есть...

Николай рассказал подробно о том, как соорудил наплавные мостки через болото, как внутри храма не берёт сотовая связь, а время, похоже, замирает.

— Лёшка, ты знаешь, я никогда не был набожным человеком, но там внутри что-то совершенно иное, помимо всех этих эффектов. Там и величественно, и страшно. И ещё, этот храм должен быть восстановлен. Я сделал несколько запросов и в епархию, и Министерство культуры. Жду ответа себе

на почту.

Сын, слушая отца, пытался понять, тронулся умом его родитель или на самом деле там, в том проклятом храме что-то необычное. Солнце потихоньку клонилось к закату, и Лёха, пару раз глянув на часы, немного заёрзал на месте, явно, куда-то спеша.

— Что? — заметив нервное состояние сына, спросил Николай. — На свиданку опаздываешь?

— Бать... это... просто я Ольеньке обещал помочь... можно я машину возьму?

— Ладно, беги, малец, завтра договорим.

Сын с глупой улыбкой, схватил ключи от машины, спешно обнял отца и вылетел из избы.

«Наконец-то парень влюбился, — подумал Николай, — пусть у него всё сложится, пора уже».

Неожиданно и совершенно несвойственно для мужчины, его потянуло в сон, причём, как от снотворного. Николай глянул на часы, всего-то шесть вечера. Он отошёл к кровати и прилёг. Буквально сразу им овладел сон, едва он коснулся полушки.

«Пора, Колюня, пора, пора...», — слышал он во сне голос своей покойной супруги.

Маша стояла в чистом поле вся в белом, освещённая ярким солнцем. Длинные полы просторных одеяний слегка развевались на ветру. За ней над горизонтом была тёмная мгла, и сверкали молнии. Его жена стояла, словно между

этим светом и той зловещей тьмой.

«Что пора, Машуня?» — спросил во сне Николай.

Образ жены безмолвно указал укрытой белоснежными одеяниями рукой в сторону горизонта с тьмой.

«Я понял, любимая, я всё понял».

Николай проснулся так же быстро, как и уснул, при этом не чувствуя больше сонливости, обычно сопровождающей только что пробудившегося человека. Он встал, взял сумку, положил туда фонарик и пару свечек. Оставил на столике свой телефон и вышел из избы, в которой гостили у бабы Вали.

— Я прогуляюсь, Валентина Михайловна, приду поздно, — сказал Николай, подойдя к дому хозяйки.

— Коленька, — ответила пожилая женщина, — я же просила, называй меня просто баба Валя, к чему этот официоз? Погуляй, милый, погуляй.

Николай шагал по знакомому пути, срезая пешком дорогу. Он планировал прийти к храму часа за два. Зачем он туда пошёл на ночь глядя? Что пора? Толком он и не понимал, но точно знал, что должен сейчас быть там. Первая сложность появилась, когда лесная дорога просто исчезла. Впереди рос лес без признаков, какой бы то ни было дороги. Николай пошёл по лесу по памяти, обратив внимание, что сгущающиеся сумерки как-то неестественно съедают свет в низинках и под корнями деревьев. Становилось слишком быстро темно. Птицы прекратили свой вечный свист, а комары исчезли.

«Я же ещё не перешёл болото, а уже замерло всё. Странно».

Вступив на сооружённые собственноручно мостки, Николай осознал, что болото явно разжижилось. Доски под его весом уходили глубоко вниз, он вымочил ноги выше колена, но не отступил, вытягивая себя за верёвки, натянутые через топь. Вдруг одна верёвка оторвалась, и Николай шлёпнулся в воду, но быстро вскочил, чувствуя под ногами опору в виде доски. Схватившись за вторую верёвку, он спешно потянул себя к берегу. Едва он подошёл к холму, где стоял храм, как оборвалась и вторая верёвка. Мужчина плюхнулся в трясину, руками изо всех сил перебирая по притопленной в затхлой воде доске. Выбравшись на твёрдую землю, Николай лёг на спину, переводя дух и передыхая. Взгляд его нашёл на чистом до того небе сгущающиеся тучи, тёмно-серой массой нависшие над ним в свете закатного солнца. Надвигалась гроза. Где-то вдали прозвучал глухой раскат грома.

Глянув на часы, мужчина обнаружил замершие стрелки, хотя он ещё не зашёл внутрь храма. Поднявшись, он двинулся вверх по холму, но ощущение было, будто скатывается под гору.

Начался дождь, Николай вошёл, в храм, котором сгустилась тьма, не позволяя уже рассмотреть почти ничего внутри. Он достал из сумки фонарь и попытался его включить, но тот отказался работать. Тогда он вынул свечу, чиркнул пару раз чуть намокшей зажигалкой, но поджёг фитиль. За-

гораживая ладонью от порывов внезапного ветра, которого прежде тут никогда не было, Николай пробирался к алтарной части. Снаружи с оглушительным треском бабахнула молния. Ещё и ещё. Молнии принялись ударять одна за другой очень близко, ослепляя всполохами Николая. Сквозь полуразрушенный купол хлынул ливень. Резкий порыв ветра затушил свечу, а новая молния ударила в купол, разбежавшись сверкающими червями по внутренним фрескам.

— Нет!!! Я не уйду отсюда!!! — вдруг вскричал, вскинув голову вверх, Николай. — Ты меня не выгонишь!!! У тебя ничего не выйдет!!! Это не твоё место!!!

Очередная молния угодила внутрь храма через прореху в куполе, вопреки всем законам электричества, ослепив мужчину, но, не заставив его сдаться. И тут этот материалистически воспитанный человек уверовал в то, что сможет защитить этот храм и помочь вернуть его людям. Они его восстановят и смогут стать ближе к Богу.

— Ты думаешь, я боюсь тебя?!! — опять крикнул стихии ослеплённый молнией человек. — Оставь божье место в покое!!! Обменяй мою жизнь, на жизнь храма!!! Давай!!!

Молния ударила рядом с алтарём...

— Оленька, у меня к тебе есть дело...

Лёха забеспокоился на следующий день, когда обнаружил

отсутствие отца, а его телефон лежащим на столе. Прень вернулся от Ольги под утро, с которой гулял почти всю ночь и слышал далёкую грозу на том берегу реки, удивившись, ведь по прогнозам её не должно было быть. Рухнув на постель, Лёха проспал несколько часов, после чего сильно занервничал, заметив отсутствие отца. Сын был уверен, что отец пошёл именно к тому храму. От чего у него возникла такая уверенность, Лёха не знал, но чувствовал, что надо ехать туда.

Вместе с Олей они поехали на машине к храму, найдя в телефоне отца историю прошлых поездок в навигаторе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.